

"Пожалуйста, сохраняйте спокойствие, Ваше Величество," - умоляли горничные, стоявшие позади разъяренной императрицы.

Им давно удалось вернуться во Дворец Восхода с дочерью Кати на буксире, слишком разъяренной, чтобы оставаться на Весеннем Балу хотя бы еще на минуту. По всему полу были разбросаны осколки бесценных хрустальных ваз и все, до чего только успела дотянуться Катя. Принцесса Юлия, редко видевшая гнев матери, сидела в углу, тихо плача, крупные слезы катились по ее лицу.

Это было ужасающее зрелище в те редкие моменты, когда Ее Высочество, императрица Катя Дюверне, распускала свой гнев. За ее спокойным обликом ее глаза отражали смертельную ярость, и она медленно двигалась по комнате, беспорядочно сбрасывая вазы и бокалы. Единственным звуком, сопровождавшим ее гнев, был звон разбивающегося стекла, и именно эта зловещая тишина заставляла дрожать ее горничных.

"Все вон," - тихо процедила Катя, как смертельный зверь, готовый наброситься на свою добычу. Если бы кто-то не был опытен в служении императрице, он бы не понял, насколько она разъярена.

Многие молодые горничные послушали слова императрицы и в ужасе сбежали из комнаты, но несколько смелых все еще пытались остаться.

"Ваше величество", - начала Линетт, ближайшая личная помощница Кати, сопровождавшая ее из Дюверне-Мэнор в замок.

"ВОН!" - неожиданно взревела Катя, ее лицо исказилось яростью, совершенно не соответствующей ее обычно дружелюбному характеру.

"И пошлите эту потаскуху Дженис сюда," - добавила императрица, прежде чем Линетт удалилась из роскошной гостиной.

"Да, Ваше Величество," - почтительно ответила Линетт, как будто мать Империи не устраивала полноценную истерику. Именно ее способность быстро адаптироваться к любой ситуации держала ее рядом с императрицей на протяжении многих лет.

"Мама.." - всхлипнула Юлия, решившись броситься в бурные воды материнского гнева и кинулась обнимать юбки Кати. "Эта рабыня насмеялась надо мной. Ты сказала, что я во всем лучше ее, но все смеялись надо мной, а не над ней!"

Катя почувствовала вспышку раздражения от того, что ее дочь так слаба умом, что ее растерзали всего несколькими словами эта незаконнорожденная. Первоначально, когда она встретила принцессу Зиму, она нашла эту юную девушку такой же простой, как любая другая девочка ее возраста. Зима наивно улыбалась, и ее слова с детским нарочитым шепелявым выговором делали ее еще более жалкой. Но когда Катя услышала от служанки точные слова, которыми якобы наивный ребенок унизил ее дочь, это наполнило ее такой яростью, что ей пришлось элегантно покинуть бал, прежде чем она случайно создаст сцену и испортит тщательно выращенную репутацию.

В дверь постучали.

"Ваше Величество, Дженис прибыла," - раздался приглушенный голос.

"Впустите ее!" - нетерпеливо потребовала императрица.

Прежде чем вошла та служанка, которую она со стараниями вернула во дворец, Катя на мгновение взяла себя в руки, возвращая на место обычную спокойную маску. Как бы она ни ненавидела бастарда своего мужа, она была достаточно умна, чтобы не показывать свое истинное сердце посторонним.

В комнату вошла красивая женщина, скрывая за притворной застенчивостью свою наглость. "Дженис Комбсуит," - мысленно произнесла императрица, прежде чем удобно устроиться в открытом кресле, пока бывшая служанка опускалась в низкий реверанс перед ней.

"Ваше Величество, я - Дженис," - сказала служанка. Катя подняла руку, указывая бывшей служанке подняться.

Как правило, Катя не окружала себя красивыми женщинами. Ее нежное, овальное лицо и острые янтарные глаза делали ее объектом мужского очарования с тех пор, как она была достаточно взрослой, чтобы понять значение их голодных взглядов. Она знала, как легко женщине красоты получить то, что другие не могут, одним лишь движением пальца или трепетом ее платка, упавшего на пол.

Поэтому, чтобы возвысить себя и не дать другим возможности сравнивать ее красоту, Катя всегда следила за тем, чтобы ее ближайшие помощницы и служанки были женщинами со средней внешностью. Те, кто все еще был приятен на вид, но в целом служил хорошей противоположностью для ее собственной красоты. Глядя на надменную служанку, выпрямляющуюся с пола, Катя знала, что у этой девушки нет ни единого шанса быть принятой на службу во дворец и сопровождать ее. Император Хелио обычно был твердокаменным, редко поддаваясь на чары женщин, если только он не хотел насладиться быстрым романом в постели, но лучше перестраховаться.

Янис была той красавицей, которая могла бы в течение одного дня разорить самого богатого человека, лишь бы насладиться своими прихотями, о которой странствующие бардеды сложили бы песни. Катя прищурила кошачьи глаза, когда на нее нагло взглянула женщина, внешность которой легко могла сравниться с ее собственной. Девушке было около 18-20 лет, ее лицо недавно избавилось от детской полноты, открыв соблазнительные черты. Ее брови изогнулись коварно, и в ней не было очарования застенчивой девственницы, скорее она была похожа на женщину, о связи с которой мечтал бы мужчина.

Как странно, подумала про себя императрица. Обычно она держала своих людей в слугах, чтобы выявлять любую слишком привлекательную женщину, с такой внешностью, как у Янис, ее бы выявили, еще до того, как она ступила бы в главный дворец.

Подозрение поднялось в сердце Кати, но она была хорошо натренирована сдерживать свои внутренние эмоции.

- Ты красивая девушка, Янис, - сказала Катя тоном, не выдающим ее мыслей.

Проницательная служанка испугалась бы, но Янис не имела таких сомнений, с радостью купаясь в похвале.

- Спасибо, Ваше Величество, - ее самодовольная улыбка была столь широкой, что казалось, вот-вот треснет. Катя сразу поняла, что не особо симпатизирует этой юной девице, но Янис, похоже, не обладала ловкостью, чтобы представлять реальную угрозу, так что она перешла к своей истинной цели.

- Я слышала, - мягко начала Катя, беря стакан чая, который принесла дрожащая служанка

перед тем, как проводить Принцессу Джулию, - Что ты раньше служила Принцессе Зиме.

Для императрицы было большим усилием назвать эту незаконнорожденную девочку ее должным именем, и она была весьма удовлетворена, наблюдая, как соблазнительное лицо Янис сморщилось в едва скрываемом отвращении.

- Да, Ваше Величество, - ответила Янис.

- Хорошо. Расскажи мне, что ты о ней думала, - Катя перешла сразу к сути. Янис с готовностью погрузилась в эту тему, стремясь доказать свою ценность императрице и остаться во дворце.

- Я думала, что она странная девочка, Ваше Величество. Я видела много юных детей в моем бедном родном городе, и она не вела себя как любой из них. Она никогда не бегала на улице и постоянно сидела в своей комнате. Принцесса Зима была не такой трудной, какой должна была быть ребенок ее возраста. Почти так, будто она прошла интенсивную подготовку, как держать себя.

Катя быстро усвоила информацию, так как она резко контрастировала с ее первоначальным впечатлением о легкомысленной, простолюдинке, но сохранила слегка скупающее выражение лица. Она только заметила: "Неужели?"

Ее слова возымели желаемый эффект, заставив Янис подумать, что информация, которую она раскрыла, совершенно бесполезна, и она стремилась сказать еще больше. Янис начала первыми признаками смирения, наконец, осознав, что ее судьба во дворце зависит от качества предоставленной ею информации.

- Она также очень хорошо умеет менять свое лицо. Не знаете ли вы, при каких обстоятельствах меня уволили?

Катя покачала головой.

- Та девочка, - Янис зарычала, забыв обращаться к Принцессе Зиме должным образом, - Плакала по любому поводу, заставляя меня выглядеть злодейкой. А потом, когда меня уже собирались вытащить за дверь, как овцу на убой, она вернула меня и сказала мне ужасные вещи. Было, как будто она одержима, а не простая маленькая девочка!

Катя сделала еще один глоток, задумавшись над словами Янис. Не было необычным встретить умных детей среди аристократии. Но, несмотря на завесу тайны вокруг того, как и где была найдена Зима, ее осведомители были достаточно хороши, чтобы определить, что принцесса была найдена в Радовалске. Для обычного ребенка быть настолько подходящим для жестокости дворцовой жизни заставило Катю содрогнуться от намеков.

Это была ее полная и абсолютная удача, что у девочки не было могущественных семей, стоявших за ней, или любви со стороны ее мужа, иначе императрица даже не осмелилась бы думать о последствиях.

Катя долго молчала после того, как Янис поделилась информацией, и бывшая служанка начала нервничать, переминаясь с ноги на ногу. Наконец, Янис, похоже, больше не могла вынести молчания и заговорила.

- Этой информации достаточно, Ваше Величество? - Янис произнесла, игнорируя хорошо усвоенное дворцовое правило не разговаривать с хозяевами без их разрешения. Катя ничего не сказала об этом, еще лучше поняв, почему эту трудную служанку уволили так быстро из

Розового Дворца.

Катя не была склонна отвечать на вопросы слуг, и она просто сказала Янис: "Ты можешь идти."

Янис выглядела раздраженной, ее тонкие губы изогнулись в недовольном надувании, прежде чем она глубоко присела в реверансе и постучала в дверь гостиной, чтобы ее выпустили. Катя не пропустила, как сжались руки девушки в кулаки, зрелище слегка позабавило ее. Прежде чем золотые тисненные двери захлопнулись, Линетт вошла и опустилась в реверанс перед Императрицей Катей.

Ваше величество, я распорядился, чтобы служанка дала Дженис несколько монет и разместила ее где-нибудь на ночь, - сказала Линетт, опустив глаза, поскольку, в отличие от предыдущей гостьи, она понимала свое место в иерархии. Это доставило чувство удовлетворения Кате, которая очень усердно трудилась, чтобы занять место императрицы, и наслаждалась почтением, которое за этим следовало.

- Хорошо. Что ты думаешь об этой девушке, Линетт? - спросила Катя, зная, что как служанка, Линетт, возможно, видела в Дженис другую сторону, нежели она сама.

Губы Линетт презрительно скривились.

- Ваше величество, если вы позволите мне сказать, я совсем не люблю эту девушку. Я поговорила с нашим человеком в слугейле, и он сказал, что, хотя при ее прибытии у нее были приличные черты, служанка была недостаточно хороша собой, чтобы оправдать отказ. Эта девушка, должно быть, как-то скрывала свое лицо, а потом явила его, чтобы соблазнить вышестоящих. Такой жадный человек, я думаю, причинит нам больше вреда, чем пользы, - сказала Линетт послушно, ее неприязнь очевидна в тоне.

Катя отвернулась, задумчиво глядя на настенные часы из импортированного тикового дерева.

- Ты, возможно, права, - согласилась она, и лицо Линетт озарилось. Но Катя еще не закончила.

- Но даже если она не сможет полностью стать одной из моих людей, я уверена, что грубая, маленькая вещь, как Дженис, будет полезна, - закончила Катя. Прежде чем Линетт смогла вежливо отговорить Императрицу Катю, в дверь постучали, и раздался голос мужского придворного.

- Ваше величество, у меня есть послание от его величества, Императора Гелио, - сказал придворный Гелио.

Рот Линетт открылся, и даже на лице Кати промелькнуло краткое выражение удивления. Как часто она мечтала, чтобы Гелио призвал ее именно так, как в ее весенние дни во дворце, когда она считала себя достаточно красивой, чтобы соблазнить любого мужчину в Империи? Многие дни одиночества выгравировали свои шрамы на ней, поскольку Катя давно осознала, что даже если она заняла самую желанную позицию, которую женщина могла иметь в Эрудитской Империи, в конце концов, любовь ее мужа лежит в могиле ее злополучной предшественницы.

- Пусть войдет, - сказала Катя, не позволяя любопытству просочиться в ее голос. Послание было сообщением от Императора, либо для того, чтобы кого-то вызвать, либо для передачи важной информации.

Слуги открыли двери, и вошел придворный в специальной ливрее Императора, неся свиток. Он опустился на колено, положив кулак на грудь, и поклонился - формальное приветствие для

мужчин, - и развернул свиток с посланием Императора. Катя была достаточно стара, чтобы отбросить фантазию о том, что Император призовет ее в свою постель на ночь. В тот момент, когда она вышла за него замуж в прекрасном Священном храме Святой Церкви, для нее был подготовлен роскошный, но одинокий отдельный дворец.

- Ваше величество, послание гласит: "Императрица Катя Дювернэ, я немедленно отправляюсь в Западные провинции, чтобы подавить восстание. Присматривайте за дворцом в мое отсутствие. Подписано: Император".

Катя выждала мгновение, но больше ничего не последовало.

- Это послание полное? - спросила Линетт вместо Кати. Придворный встал и поклонился.

- Да, ваше величество, это конец послания, - сказал он, его лицо не выдавало никаких эмоций. Мужчины, работающие близко с Императором, были такими же, отражая ту же холодность, что и их повелитель.

Катя чувствовала, как Линетт недовольна этим от ее имени, но ей удалось выдавить великодушную улыбку и отпустить молодого человека из своего присутствия. Линетт попыталась сунуть ему в руки небольшой атласный мешочек с монетами, когда провожала его, но мужчина был непроницаем, спокойно, но вежливо отказываясь от взятки, прежде чем уйти.

- Ваше величество, - слегка пожаловалась Линетт, начиная массировать плечи Кати. - Император так несправедлив к вам. Вы подарили ему двоих детей, а он даже не потрудился навестить вас!

- Все в порядке, - сказала Императрица Катя, притворяясь великодушной личностью, откидывая голову на руки, пока Линетт начала вынимать тугие булавки из ее волос после Весеннего бала. На самом деле она была в ярости, постоянно кипя в тихой ярости от того, что ее игнорирует муж, но чего она могла ожидать? Сам Гелио сказал ей больше десяти лет назад, когда они проснулись бок о бок после того, как она использовала запрещенную магию, чтобы смягчить его ауру и соблазнить его в роковую ночь, чтобы не ожидать ничего.

Кроме того, теперь, когда Гелио на какое-то время покинет дворец.. Зловещая ухмылка расплзлась по ее лицу, которая заморозила бы ее личную служанку до костей, если бы та стояла за ее спиной.

- Линетт, - сказала Катя, чудовищное счастье поднималось в ней. - Призови Принцессу Зиму в мой дворец завтра утром. Я хотела бы поговорить с моей новой дочерью.

- Призвать ее до или после Дамского суда, ваше величество?

- Конечно, до. Я уверена, что мои дорогие сестры захотят познакомиться с моей новой дочерью, - сказала Катя фальшиво-сладким голосом.

Линетт быстро поняла смысл слов Кати.

- Вы так умны, ваше величество. Сейчас самое время поставить эту рабскую девчонку на место. Когда вы с ней покончите, это пятно на нашей семье будет послушно склоняться пред вашим благословенным присутствием.

- Да будет благословенно, - благоговейно прошептала Катя, используя слова, которыми заканчивается каждая молитва Святой Церкви.

Слова горничной были жестокими, но Катя не стала ее поправлять, ведь ей нравилось использовать служанок, чтобы озвучивать то, что самой императрице слишком низко произносить. Катя фантазировала, как она планирует уничтожить дух юной принцессы, применяя многочисленные особые и тонкие способы, которыми она расправлялась со своими соперницами во времена своего дебюта.

Когда горничные начали раздевать ее с золотого платья, которое она больше не желала носить, Катя почти почувствовала себя лучше из-за того, что Гелио пренебрег ею, не пожелав увидеться перед отъездом.

Почти.

<http://tl.rulate.ru/book/30200/3808509>